

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВКУСОВЫХ ОБРАЗОВ В
ПРОИЗВЕДЕНИИ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» БУЛГАКОВА М.А.**

Юлчиева Алсу Тахировна

*Преподаватель кафедры Теории и практики русского языка
факультета Романо-германских и славянских языков Андиганского
государственного института иностранных языков*

***Аннотация:** Статья посвящена анализу изучения способов, которыми авторы используют слова и описания для передачи вкусовых ощущений и создания определенной атмосферы в своих произведениях.*

***Ключевые слова:** образ еду, вкусовые образы, внутренний мир героя, изысканный вкус блюд, вкусовые характеристики, эмоциональное состояние*

Тему еды в творчестве М.А. Булгакова достаточно подробно рассмотрел В.В. Химич в своей работе «Эстетическая активность образов еды и питья в произведениях Михаила Булгакова». Он отмечал, что обращение писателя к этой теме было связано с особым историческим моментом, когда рушился привычный уклад жизни и речь часто шла не о еде, а об ее отсутствии.

Далее критик отмечает, что «в пределах всего творчества Булгаков, в традициях народной культуры сближая образы еды и питья с областью смерти, по-особому формирует в этой позиции нравственно-оценочные критерии». Нарушения нормы жизни и нормы принятия пищи особенно ярко видно в повести «Собаكية сердце». «Здесь именно впервые ставится, в частности, вопрос о законности существования специального помещения для приема пищи – столовых. Через изображение, казалось бы, частных

событий в Калабуховском доме автор выходит к своеобразной иллюстрации суждения о торжествующей «разрухе в головах»¹.

Помещая тему в исторический контекст времени, Булгаков вместе с тем создает на страницах произведений поистине языческий культ поварского искусства. В «Собачем сердце» он дает возможность читателю заглянуть в «царство поварихи Дарьи Петровны», где совершалось таинство приготовления пищи:

«В черной сверху и облицованной кафелем плите стреляло и бушевало пламя... По стенам на крюках висели золотые кастрюли, вся кухня гроыхала запахами, клокотала и шипела в закрытых сосудах».

Здесь восстанавливается разрушенный космос: через два дня Шарик уже лежал рядом с корзиной угля и смотрел, как работает Дарья Петровна. И есть что-то природно общее в них:

«Острым узким ножом она отрубала беспомощным рябчикам головы и лапки, затем, как яростный палач, с костей сдирала мякоть... Шарик в это время терзал рябчикову голову».

Повествование здесь ведется неспешно: до деталей расписанная автором процедура приготовления котлет смотрится как дело, которому пришло время и место:

«Из миски с молоком Дарья Петровна вытаскивала куски размокшей булки, смешивала их на доске с мясной кашницей, заливала все это сливками, посыпала солью и на доске лепила котлеты» – и снова: «В плите гудело, как на пожаре, а на сковороде ворчало, пузырилось и прыгало. Заслонка с громом отпрыгивала, обнаруживала страшный ад. Клокотало, лилось».

Подлинной идиллией, написанной в мягких тонах, венчается эта картина: вечером вычищенные кастрюли *«сияли таинственно и*

¹ Исследовательская работа на тему «Мотив еды в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» https://урок.рф/library_kids/motiv_eda_v_romane_m_bulgakova_master_i_margar_094531.html

тускло», «Шарик лежал на теплой плите, как лев на воротах, а черноусый и взволнованный человек... обнимал Дарью Петровну».

Упорядоченность и предсказуемость являются следствием естественного развития событий:

Помещая тему в исторический контекст времени, Булгаков вместе с тем создает на страницах произведений поистине языческий культ поварского искусства. В «Собачем сердце» он дает возможность читателю заглянуть в «царство поварихи Дарьи Петровны», где совершалось таинство приготовления пищи:

«В черной сверху и облицованной кафелем плите стреляло и бушевало пламя... По стенам на крюках висели золотые кастрюли, вся кухня гроыхала запахами, клокотала и шипела в закрытых сосудах».

Здесь восстанавливается разрушенный космос: через два дня Шарик уже лежал рядом с корзиной угля и смотрел, как работает Дарья Петровна. И есть что-то природно общее в них:

«Острым узким ножом она отрубала беспомощным рябчикам головы и лапки, затем, как яростный палач, с костей сдирала мякоть... Шарик в это время терзал рябчикову голову».

Повествование здесь ведется неспешно: до деталей расписанная автором процедура приготовления котлет смотрится как дело, которому пришло время и место:

«Из миски с молоком Дарья Петровна вытаскивала куски размокшей булки, смешивала их на доске с мясной кашицей, заливала все это сливками, посыпала солью и на доске лепила котлеты» – и снова: «В плите гудело, как на пожаре, а на сковороде ворчало, пузырилось и прыгало. Заслонка с громом отпрыгивала, обнаруживала страшный ад. Клокотало, лилось».

Подлинной идиллией, написанной в мягких тонах, венчается эта картина: вечером вычищенные кастрюли *«сияли таинственно и*

тускло», «Шарик лежал на теплой плите, как лев на воротах, а черноусый и взволнованный человек... обнимал Дарью Петровну».

Упорядоченность и предсказуемость являются следствием естественного развития событий: *«Зинка в кинематограф пошла, – думал пес, – а как придет, ужинать, стало быть, будем. На ужин, надо полагать, телячьи отбивные».*

В контексте нормального хода жизни Булгаковым представлены веками выработанные человечеством формы принятия пищи и разные по настроению варианты отношения к ней:

«Утренний завтрак – полчашики овсянки и вчерашнюю баранью косточку – съел без всякого аппетита», «Ждали обеда. Пса несколько оживила мысль о том, что сегодня на третье блюдо будет индейка».

Бросить *«недопитую чашку кофе»* для Филиппа Филипповича значило в этом свете нечто экстраординарное, ибо *«этого с ним никогда не случалось».*

Булгаков охотно присоединяется к суждению Преображенского, что *«еда – штука хитрая»*, и с удовольствием дает ему возможность «проповедовать» по этому поводу. Слово героя при этом снова включается в конфликтный диалог с социальными оппонентами:

«Холодными закусками и супами закусывают только недорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует с закусками горячими».

Вместе с тем герой вполне доброжелательно открывает истину в еде:

«Налейте не английской, а обыкновенной русской водки... Дарья Петровна сама отлично готовит водку... Водка должна быть в сорок градусов, а не в тридцать... бог их знает, чего они туда плеснули...».

Неспешная беседа касается многих предметов, в том числе и непосредственно достоинств употребляемой пищи: *«Он подцепил на лапчатую серебряную вилку что-то похожее на маленький темный*

хлебик. Укушенный последовал его примеру. Глаза Филиппа Филипповича засветились: “Это плохо?” – жуя, спрашивал Филипп Филиппович. – Плохо? Вы ответьте, уважаемый доктор. - Это бесподобно, - искренно ответил тяпнутый».

Застольная беседа рисуется как необходимая составляющая процесса еды. Можно, конечно, как это делает Шариков, поднять рюмку и произнести: «Ну, желаю, чтоб все», а затем «выплеснуть водку в глотку» и завершить подобное возлияние, с искривленным лицом склонившись над ведром; «пошатываясь в руках Борменталья», он «очень нежно и мелодически ругался скверными словами, выговаривая их с трудом».

В романе «Собачье сердце» М. А. Булгакова вкусовые образы выражаются через обильное описание пищи и напитков, которые употребляют персонажи. Например, когда Шариков превращается в человека после имплантации человеческого гипофиза, его вкусовые предпочтения меняются, и он начинает наслаждаться более изысканными блюдами, такими как устрицы и красное вино. Такие детали помогают передать читателям изменения, происходящие с персонажами на уровне их восприятия мира через вкус и запах. Кроме того, в произведении также много контрастных описаний пищи, например, между обедом в доме Преображенского и завтраком в общежитии. Эти детали не только создают атмосферу и аутентичность мира романа, но и помогают читателям лучше погрузиться в сюжет и понять внутренний мир персонажей.

Из произведения в произведение М.А. Булгаков запечатлевает этот поединок нормы и антинормы - вытеснение из обихода привычных мест питания... Оценивая две эти позиции, М.А. Булгаков не скрывает своих симпатий: в его изображении пища, предложенная новой жизнью, отмечена некой ущербностью: пайковая селедка – ржавая, колбаса – из дохлого мяса, в коньяке слышится самогон, от портвейна московского

человек не пьянеет, а так, «лишается всякого понятия». Даже и тогда, когда обращается внимание на нэповское изобилие продуктов, подчеркивается «нарушенность процесса потребления».² Все это изобилие очень дорого и не по карману обычному человеку.

Так образ еды разными авторами используется для достижения совершенно различных целей и играет неоднозначную роль в виде композиционного приёма. И с течением времени авторы находят всё больше вариантов применения образов еды в композиции.

Таким образом, этот композиционный приём будет использоваться ещё долгие века как один из самых ярких и открывающих новые изобразительно-выразительные возможности как портрета героя, так и интерьера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Еда в русской литературе -<http://fandea.ru/628-eda-v-russkoi-literature.html> (дата обращения 10.12.2018)
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М., 2007. – 256 с.
5. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты. Автореферат дис. ... канд. филол. наук.– Волгоград, 2012. – С. 23-25.

² Химич В.В. Эстетическая активность образов еды и питья в произведениях Михаила Булгакова 2006. - <http://clar.urfu.ru/bitstream/10995/23271/1/iurg-2006-47-24.pdf> (дата обращения 5.12.2018)